

Хомич Эмилия Петровна,
профессор, заведующая кафедрой теории,
истории и методики преподавания русской литературы АлтГПА

ПОЧЕМУ ЛЕВ КВИН? (РЕФЛЕКСИЯ КЛАССИКИ ДЕТСТВА)

В одном литературном обзоре было поставлено под сомнение существование на Алтае «настоящей» детской литературы. Поскольку в периодике края, в замечательных альманахах и литературных журналах, издаваемых в Барнауле, как правило, отсутствует рубрика «Детская литература» (так рассуждал автор) - нет прецедента для разговора о детской литературе. Логика автора понятна, и замечание о литературной рубрике следует либо принять, либо опровергнуть. Однако это не решает главного вопроса: есть ли на Алтае настоящая детская литература? Вопрос требует исторического освещения.

В краткой хронологии литературной жизни Алтайского края (составленной В. Соколовым) первое упоминание о детской литературе, как о факте реально существующем, приходится на 1925 год. По итогам конкурса на лучшее произведение для детей, объявленного Сибкрайиздатом, отмечены две пьесы и три рассказа. Среди авторов-победителей – имена писателей, составивших историю детской литературы, – А. Коптелов, Г. Пушкарев, А. Сенч. Следующая интересующая нас информация датируется 1953 годом (четверть века спустя), в ней сообщается о литературном дебюте Льва Квина. Речь идет о повести «Поезд следует в Будапешт». Однако в эту четверть века, а точнее, в конце 40-х начале 50-х годов (до Квина) вышли книги Николая Чебаевского, Николая Дворцова, Николая Павлова. В детскую литературу вошло сразу целое созвездие Николаев. Среди книг, адресованных детям и

юношеству, особой популярностью пользовались повести Чебаевского «Полный вперед» и «Клад-озеро» (1948).

Событием года стала книга Анны Киселевой «Алтайские робинзоны», популярная среди читателей 60-70-х годов, ей до сих пор отдают предпочтение любители приключений. Книги названных авторов, во-первых, открыли окно в детскую литературу Алтайского края, во-вторых, обозначили вариативность тем и сюжетов детской прозы послевоенного времени. Однако это только отдельные произведения отдельных писателей, для которых детская литература – не главное в писательском деле занятие. Что называется, проба пера, во многом еще не самостоятельное явление детской литературы.

«Настоящая» детская литература на Алтае связана с именем Льва Квина. С него начинается развитие собственно детской литературы региона, его творчество преимущественно адресовано детям и юношеству. И что особенно важно – оно отвечает тенденциям русской литературной эпохи 60-х годов. Проникся или не проникся писатель Квин алтайской темой – вопрос дискуссионный, но то, что его проза для детей представляет литературу края на достойном уровне, – реалии истории, с которыми нельзя не считаться.

Лев Квин – личность незаурядная, автор не одного десятка книг, писатель, чье творчество наряду с другими писателями составило классику региональной литературы. Рефлексия классики детства Алтая не может быть представлена без Квина хотя бы потому, что он и сегодня в числе тех писателей, которые вызывают «неподдельный читательский интерес за пределами нашего региона» [1, с. 1]. В формировании прозы автора имеют принципиальное значение два важных фактора: личный жизненный опыт и время, на которое пришлось становление писателя [2]. Одна из первых его книг для детей «Мальчишечьи тайны» (1956) органично вписалась в общий ряд произведений литературной «оттепели», заняв при этом свое индивидуальное место на «золотой полке» Алтая. «Мальчишечьи тайны» представляет собою цикл рассказов, объединенных названием, сюжетообразующим мотивом тайны и типологией характеров основных персонажей. Вся подростковая проза Квина

– своеобразная онтология детства, что-то вроде большого «мальчишечьего романа» (метатекста), в котором автор выступает в роли «доверенного лица» своих персонажей, «достоверно записавшего истории героев с их собственных слов, с краткими пояснениями и толкованиями без единой капли выдумки» [3, с. 3].

Адресат «Мальчишечьих тайн» – читатель среднего школьного возраста, называемого подростковым. Стоит заметить сразу, что гендерная поэтика прозы Квина исключает по отношению к подростку определение «трудный». Мальчишки – дети послевоенного времени - воплощают представления автора о личности ребенка. Знание и понимание детской психологии дает ему возможность проникнуть в секреты и тайны подростков. Война закончилась более лет десяти тому назад, и для подростка Квина военные тайны не утратили актуальности: юных читателей всегда привлекают военные сюжеты. Описываемый в них экстремальный опыт имеет четкую нормативную систему оценок: «свой» и «чужой». Стандарт оценок наследует и послевоенная (в том числе проза Квина) классика детства, в ней все оценки очевидны: кто – враг, а кто - свой. Персонажи заняты поиском «врага» и так находят «его». Правда, находят постситуативно: обнаруживается ошибка, к которой привели повышенная бдительность и перестраховка юных разведчиков. Название и подзаголовок написанной позднее комедии «Кругом шпионы» точно отражают игровой характер ситуации «ищем врага»: «Сатирическая комедия в двух действиях с привидениями, переодеваниями и иными сюрпризами» [4, с. 3]. В ней автор отдал предпочтение игровой поэтике детских сюжетов. В контексте литературной парадигмы «счастливое детство» детство трактуется Квином вразрез с традицией: как огромный, богатый фантазией и поступками макромир. Взрослый человек может сохранить его в себе как эквивалент искренности и непосредственности. В противном случае по мере взросления мир детства мельчает и упрощается.

Напряженность внутренней жизни подростков в психологическом ракурсе изображения позволяет писателю показать их скрытые достоинства.

Они мечтают о подвиге, о возможностях его проявления. По романтической традиции тема подвига окрашена тайной. Масштабность планируемых подвигов корректируется книжными примерами – персонажи Льва Квина начитаны. Книги «участвуют» в формировании характера подростка и вдохновляют его героическим опытом. При этом приобретенный книжный опыт не вступает в противоречие с повседневностью: детский мир открыт к восприятию и общению.

В подростковый набор литературной «оттепели» вошли книги о героях, мужественных и смелых. Детство и книга тесно связаны в сознании книголюбцев, а потому и мальчишечьи тайны имеют письменно книжный подтекст. По сравнению с предшествующим периодом литературы круг и канон детского чтения претерпевают неизбежную смену читаемых книг, дети-шестидесятники имеют книги морального воздействия, герои которых являются их реальными современниками. «Я сел против репродуктора и стал слушать. Писатель рассказывал о человеке, который лежит неподвижно вот уже сколько времени, зрение почти совсем потерял, а всё равно мужественно борется с болезнью и даже книгу стал писать о своей жизни...» [5, с. 17]. Комментарий отсутствует: читателю дается право узнать Н. Островского. Так реалии жизни становятся литературным фактом, книги оказываются источниками фантазий, а «темы» фантазий - продолжениями книг.

Квин – один из самых детских писателей, из тех, кто «вышел из школы Гайдара». Его книги помечены влиянием именно гайдаровской прозы, рассказы полны аллюзий «военной тайны» и реминисценций «Школы», «Судьбы барабанщика», «Тимура и его команды». Однако Квин не поэтизирует романтику пионерской жизни с ее привлекательной для ребят военной атрибутикой. По этому пути пойдет, например, Владислав Крапивин. Герои Квина понимают исключительность экстрима войны и в своих послевоенных буднях находят другие источники героизма, преимущественно приключенческо-героического характера. «Мальчишечьи тайны» - тайны самого разнообразного плана: задержание опасного преступника, план

разведанных о «таинственном незнакомце», разоблачение предателя, план побега на ударные стройки, тайна первой любви и др. «Тайна вертится на кончике языка, как раскаленный камень» [6, с. 75], и не только герои военных сражений занимают их ум. Повод и пример для подражания читающий подросток находит в «Записках Шерлока Холмса». На эту тему - «Правдивый рассказ о любителе приключений мальчишке Геше, его верном друге Лене, их враге Тишке-Кишке и таинственном незнакомце «Д.П.». Пятиклассник Геша под впечатлением «Новейших приключений великого сыщика Шерлока Холмса» забывает про всё на свете, так как занят разоблачением «одного таинственного человека», «хорошо замаскированного врага». Геша и метод свой разработал - «психоарифметический», и научился, как персонаж рассказа «Великий сыщик», по почерку мгновенно определять характер [6, с. 67]. Каждый из подростков – большой выдумщик и фантазер, если и «привирает, то самую чуточку». Например, пятиклассник Митяй сообщил «под страшным секретом, что он сын французского графа, потомок д'Артаньяна, отданный временно на воспитание в советскую семью» [5, с. 28]. Фантазийное мышление подростков – главный двигатель приключенческого сюжета. Приключенческий аспект своих произведений писатель обязательно подчеркнет либо названием, либо подзаголовком: « + 35° Приключения двух друзей в жаркой степи» [7], «Было – не было. Совершенно невероятная история, происшедшая с двумя закадычными друзьями не в далекие сказочные времена, а в наши дни...». «И так у мальчишки всё приключения в голове», - констатируют диагноз взрослые и прячут от сына книги (тема реакции взрослого мира на детские интересы к чтению – особая тема). «Выдумщик этот Геша. Вечно у него какие-то тайны», – с недоверием смотрят на Гешу одноклассники, а глаза их «загораются жадным любопытством» [6, с. 74-75]. Для побега от скучной повседневности дети избирают целину («Саня Петушков на целине») или места археологических раскопок («+35° Приключения двух друзей в жаркой степи»).

Герои Великой Отечественной войны, мужественные люди, разведчики, сыщики, мушкетеры – парадный ряд идеалов подростка Квина. Если для

детства фантазии типичны, если они захватывают ребенка и становятся для него важнее реальности [8, с. 269-315], то у Квина это типологическое качество детства имеет свои подробности: реальность корректируется детьми в соответствии с их представлением (чаще всего книжным) о том, какой должна быть действительность. Поведение подростков Квина исключает аддиктивность любого проявления, они всего лишь «болтусы» и сами это знают. Взрослый мир в глазах писателя не выглядит идеальным, а потому подвергается детской критике, но критика эта не деструктивна. Более критично к проявлениям авторитарной взрослой педагогики настроен автор, нежели его персонажи.

Время реформ в детской литературе 60-х годов отмечено преодолением авторитарной педагогики предыдущей эпохи и лакировки действительности «счастливого детства». В этой обстановке молодые детские писатели попытались отразить серьезные конфликты в детской среде, их связь с социально-политическими процессами в обществе. Так появилась школьная повесть М. С. Бременера «Пусть не сошлось с ответом!» (1956), которая заставила всех говорить о детской литературе. Другая часть детских писателей пошла по пути сочинения облегченных развлекательных произведений [9, с.3]. В ходе дискуссии на эту тему появилась статья в «Литературной газете» с симптоматичным названием «Воспитание правдой». «Воспитывать правдой» или «коммунистическое воспитание» – главная идеологема этих лет. Примечательна дата выхода статьи: 15 ноября 1956 года – год издания книги «Мальчишечья тайны». Квин не мог не знать дискуссии, развернувшейся «по поводу острейших вопросов школьного воспитания» и их отражения в детской литературе. Ответы Квина на поставленные перед детскими писателями вопросы надо искать в творчестве писателя. Общий ход повествования прозы и ее тональность свидетельствуют о том, что мы имеем дело не с ангажированным писателем: по «пионерскому заказу» или «по творческому зову сердца» Квин не пишет. Будучи «бойцом идеологического фронта» в силу своей профессии, Квин, безусловно, не свободен от советских идеологических штампов, но и нигилизм в его актуальную культуру не входит, и конформизм

он не приемлет. Следовательно, парадигма «счастливое детство» перестает быть единым правилом для всех.

Послевоенная литература 60-х, продолжая разрабатывать тему военного детства (Ю. Богомолов «Иван»), осваивает новые формы ее изображения и показывает ребенка в ситуации войны. Среди них повести Ю. Козлова («Юрка Гусь»), Р. Погодина («Живи, солдат»), В. Голявкина («Полосы на окнах») и др. Лев Квин отказывается от схемы героического ребенка и изображения страданий детей в условиях тыла. Для него важнее уйти от трагических переживаний, помочь детям послевоенного времени адаптироваться к мирной жизни. Персонажей писателя отличают романтические черты: преданность мечте, верность идеалам, понимание дружбы как единения родственных душ. Настроение действующих лиц соответствует эмоциональному климату эпохи, и читатели Квина имеют возможность узнать себя в них: «мы как герои, герои как мы». Местоимение «мы» в тексте произведения превалирует над местоимением «я», как и число множественное над числом единственным: «Мальчишечьи тайны», «Мы, которые оболтусы», «Друзья идут в ногу», «Озорники», «Комсомольцы всегда в строю», «С нами не соскучишься!» и др. Подростков Квина беспокоят собственные возможности, поэтому они анализируют свои поступки, советуются с друзьями: «Как ты думаешь, Севрюга, со мной можно идти в разведку?» Он ответил: «Откуда мне знать?.. Но характер у тебя есть – точно!» [5, с. 95]. Разговор двух друзей – Пети Томилина и Сергея Копылцова – построен по-мужски: здесь и дружеская солидарность, и поддержка, и уважение к мнению другого. Имея чувство собственного достоинства, они способны отстаивать право на уважение к себе: «Я ведь тоже человек. Такой же, как все. Ну, может, только чуть поменьше ростом» [7, с. 168], «Ах так, мы тебе не люди, а пятаки! В отместку я не стал брать билет. Так и ехал бесплатником почти до самой школы. Потом все-таки взял...» [5, с.24]. «Меня в одну компанию с отличницей-приличницей Галочкой-Палочкой?..» Вечная проблема детской литературы «отцы и дети» разрешается бесконфликтно, поскольку позиция детей выглядит убедительной

в глазах взрослых. А вот взрослые, на взгляд маленьких сыщиков, ведут себя неубедительно. «Они очень смешные и наивные, мама с папой, когда хотят что-нибудь утаить. Переглядываются многозначительно, перемигиваются и только привлекают внимание» [5, с. 13]. «Странные люди родители. Ругают нас – они беспокоятся. Хвалят – тоже беспокоятся. Сами себе заботы придумывают» [там же]. Уважать подростков и шире – уважать детство – в этом главный пафос автора. Неслучайно выделяются в системе действующих лиц те, у кого «много детства». «У меня у самого полным-полно детства», – признается автор [6, с.17], подтверждая свое понимание детства как свойства природы – эквивалента честности, фермента порядочности.

Внешне не выразительные и не заметные (в структуре персонажа внешность не актуализирована автором), мальчишки Квина привлекают реальной самооценкой, чувством социальной справедливости, принципиальностью и честностью позиции, и она – вариант нормы, духовного здоровья – без надрыва и изломов. Персонажи писателя – *действующие* лица, т.е. проявляющие себя в поступках, а поступают они в соответствии с кодексом чести. Доминантой образа подростка является нравственность, и хронотоп его детства светлый, не отягощенный материей быта, не замкнут, а открыт навстречу будущему. В этом отношении он – духовный близнец подростка Анатолия Алексина. Два мира (взрослый и детский) создают двоемирие детства. Однако отличие двоемирия прозы Квина достаточно примечательное: это типологическое противоречие лишено враждебности. Обращает на себя внимание тот факт, что школа и пионерское детство как наиболее успешные опыты художественного представления классики советской детской литературы у Квина занимают достаточно скромное место. Позитивное содержание детства, скорее всего, связано с авторским видением жизни и личностными установками писателя, нежели с основным концептом советской классики – «счастливое детство». Подростковую прозу Квина отличает «автобиографическое освещение». Поступки персонажей оцениваются автором с позиций личного опыта. Им генетически передается порядочность,

интеллигентность, дружелюбие и человеческое обаяние автора, который в большинстве случаев доверяет своим персонажам повествование. А самое главное, как заметит алтайский критик, мальчишки ощутили у автора «неподдельный, такой же, как у них, неутомимый интерес к жизни ... такое же жизнерадостное мироощущение ...» [10, с.79]. Таким образом, Квин обошел острые углы классики «счастливого детства», отказался от архетипа «гадкого утенка» и выстроил модель по впечатлениям своего, вполне благополучного детства. В условиях развивающегося конформизма писатель сумел сохранить достоинство и создать произведения, которые выдержали проверку временем. В отличие от «уныло-педагогической» литературы проза Квина лишена назидательности, в ней нет набора штампов классики пионерского детства, идеализации или разоблачения действительности. Для подростка основными реалиями действительности были дом и школа. Обе реальности изображены Квином «дистанционно». Школа в изображении детских писателей обычно являлась главной площадкой, на которой разворачивались события сюжета, и была главным инструментом педагогики воспитания. Дом, семья в школьной повести и в «пионерской литературе» могли составить конкуренцию школе по назидательности. Для подростков Квина дом – спокойная гавань, куда они всегда возвращаются. Сюжетные коллизии развиваются, как правило, на фоне позитивных отношений между родителями и детьми. Да и у учителей, как оказалось, не только отрицательные, но и «положительные качества есть» [5, с. 25].

Проза Льва Квина – не только пример того, как детская литература обретала новые параметры классики, но и опыт нравственных исканий классиков детства Алтайского края. Этот опыт в литературе Алтая наряду с творчеством Квина составила, например, не менее интересная детская проза Виктора Сидорова. Его повести и рассказы «Федька Сыч теряет кличку» (1963), «Повесть о красном орленке» (1965), «Сокровище древнего кургана», «Слабо!» и др. вошли в сокровищницу русской детской литературы и достойны отдельного исследования.

В типологический ряд классики детства органично вписывается творчество самобытного писателя из Павловска - Ивана Шумилова.

Классика литературного детства – реалия культурного пространства Алтайского края, громко заявившая о себе в 60-е годы прошлого столетия.

Библиографический список

1. Соколов, В. Лев Квин: Чужие звезды родной стороны / В. Соколов. – Режим доступа http://www.lik-bez.ru/archive/zine_number325/zine_critics329.
2. Попов, В. Тот самый молодой человек... К 70-летию Льва Квина / В. Попов // Алтай. – 1992. – № 2.
3. Квин, Л. Было – не было. Повесть / Л. Квин. – Барнаул: Алт. кн. издат., 1974.
4. Квин, Л. Кругом шпионы / Л. Квин. – Барнаул: Алт. кн. издат., 1990.
5. Квин, Л. Мы, которые оболтусы / Л. Квин // Квин, Л. Сколько осталось до звонка. Повесть, рассказы / Л. Квин. – Барнаул, 1967.
6. Квин, Л. Мальчишечьи тайны / Л. Квин. – Барнаул, 1956.
7. Квин, Л. + 35⁰ Приключения двух друзей в жаркой степи / Л. Квин. – Новосибирск, 1965.
8. Чтение: новые аспекты исследования // НЛЮ. – 2010. – № 102. – С. 269-315.
9. Фатеев, А. Детская литература «оттепели»: две «правды» (Фрагмент монографии «Сталинизм и детская литература. 1930-е – 1950-е гг.») / А. Фатеев. – Режим доступа : http://scepsis.ru/library/id_435.html.
10. Серебряный, В. Дорогами мальчишечьих тайн / В. Серебряный // Алтай. – 1972. – № 2. – С. 78-80.